

Корнев Дмитрий Александрович

Вы не верите в космос
и в воздух
вокруг планеты;
вы - откос, по которому скатываюсь в поэты.
На вопросы Вы - горе-ответчик; унылый счетчик
косяков моих. Сумрачный датчик
банальных строчек.

Полуночная дама, привычка, почти натура;
вы не ближе Центавры, не дальше клавиатуры,
не роднее экрана, аккаунта. Королева
полусферы над Хартландом, что образует небо.

Полнозвучие благовеста, Прикамья рокот
шелестящая правда, вкрадчивый русский шепот
бытовой надзиратель, непадающая планка,
Собирательный образ. Но только не муза.
Жалко.

(05.10.2016)

Ссадина горизонта кровит закатом;
вновь прищемила, зараза, собою взгляд...
Минус одна причина быть виноватым,
если не виноват.

Ветер смеётся, как гордо пасует спичка
перед его пониманием бытия.
Минус одна причина оформить в личность
броуновское "я".

Словно забывшись в какой-то великой цели,
окна-трудяги потеют по мере сил.

Минус одна причина прожить неделю,
как никогда не жил.

(27.04.2018)

Не слушай, как молчу. Не нравится же, вижу.
Да и вообще, вот у меня дела,

я занят, как атлант. От разговоров грыжа
давно уже весь мир переросла.

Не солнце над землёй, а газовый и низкий,
не греющий совсем и бесполезный круг.
Не знаю как назвать. Не солнце, а ириска,
застрявшая в зубах меж лунностями вдруг.

А мысли - как дома, прилизанные сажей,
где ни в одном окне ни жизни, ни стекла.
Мой Карфаген горел, и это правда. Так же,
как правда то, что не сгорел дотла.

Как безупречен слог привычки зубоскальной...
Как ненавидим мной, так мною и храним.
По совести (пока -
плашмя) елозит скальпель.
Да к чёрту все дела. Давай, поговорим...

(26.12.2018)

Бесновалось бесцельное вороньё?
Враньё!

Грифели умных птиц штриховали сферу,
приглушали гвалт человеческий и
преломляли отеческий взгляд с небес.

Пел над городом черный дырявый хаос,

то немного латаюсь,
то разлетаясь снова.

И казалось, что каждая птица имела имя

и кричала,
кричала его,
как победный клич.

И в удивительно долгом полумоменте

черными нитками, черными голосами
разноязыкие, насмерть сшивались земля и небо,
понимая друг друга,
наверное,
в первый раз.

(18.04.19)

вырастал инмар из собственного стыда
и ему во стыде становилось тесно

и инмар из Всего превращался в место

и из тени подъездной инмар шептал
поседевшим сынам об инмарьей доле

вопрошал инмар у сынов: доколе?

почему он, болезный, горит один
и один прогорает как нефть и уголь?
и один презирает пендосский гугл?
и один ненавидит удмуртский сплин?

по былому инмару поля скучали
урожай погибал в неземной печали
и сентябрь убивался по декабрю

а с востока смеялись алангасары
с ярко-рыжими дымными волосами -
раз увижу - и больше не повторю.

ну не те же ли под москвой березы?

и не страшно Язык превращать в товар?

за тебя
дурака

у Народа
слезы

пристыдил бы тебя
инмар...

На тёмно-синем рыжие мазки,
как никогда, круглы и далеки -

ряды недостижимых диодов.
Я - весь. Я - есть. Я - цел перед прудом;
я сном влеком и временем ведом.
Куда уж проще? Проще - только в воду.

Поползновений никаких внутри,
я чувствую, не будет до зари;
и в голове, не чуждой телу в целом,
я продираюсь через голос свой.
Кто слышит в одиночестве покой,
того навряд ли удивишь Эдемом.

Всему, что дальше - пламенный привет.
Неважно всё, и важен ли рассвет,
когда тебе и в темноте - свободно?
За птицей тройкой жизнь моя - пешком.
Вчерашним чем-то горло обожгло -
совсем неувидительно - сегодня.

(11.05.19)

На Иже и на Рейне одинаковый дождь
одинаково - верю - превращается в дрожь;
и никак не зависим от кордонов и виз
у Ижа и у Рейна берегов дуализм.

Темноокие фрау из славянской страны
вспоминают упрямо алкогольные сны,
ожидаемо всеу говорят о богах,
по-ижевски тоскуют на немецких мостах.

На Иже и на Рейне у стен заводских
атмосфера хрупка, расстоянья близки.
Мирового фаянса страшный трепет не нов
для восточной равнины, для вестфальских холмов.

24.05.2019

Фонарный свет сопровождает тишь.
Фонарный столб, ты хорошо молчишь;
наверное, замалчиваешь счастье.
Наверное, понять тебя нельзя.
Все жду, пока и я немного власти
над бездной внутренней сумею взять.

О да, фонарь, я в полой пустоте
убийственно тождественен тебе.
О, пустота - и та греметь способна!
И в этом смысле сталь и плоть - равны:
они - периметр чего-то, словно
лишь форма, лишь вместилище вины.

Но ты не врешь себе, что полон ты,
что, если светишь, значит - не остыл,
что ты самодостаточен и важен,
что бесконечность означает жизнь.

Нет, ты - не я, не сомневаюсь даже.
Фонарный столб, ты хорошо молчишь.

(13.06.19)

память, спасибо за прямоту и за боль в висках.
пусть у каждого встречного за спиной из купин аллея -
тень уходящая, чем менее ты резка
тем и я слабее.

и, зачем-то поднявшийся в храм святоустых пророков, живых мессий,
я хорошо понимаю, когда заносу над пространством ногу -
мне не дано никого, никуда вести.
ну и слава Богу.

(14.08.19)

сентябрь врет
ему не привыкать
как мне не привыкать сквозь зубы "выкать"
мол будет до упора до щелчка
пока глаза не просигналят "выкл"

пока не щелкнет - будет впопыхах
рыжеть/чернеть/трещать/дымить и виться
потом запрется в разомлевших лицах
расстелется на кухонных столах

избушка к миру повернется задом
харон свернет экскурсионный тур
оставив на цветном речном вокзале
ряды разочарованных фигур

почти святое томное тепло
прикроет нулевую точку тлена
сентябрь врет что миру повезло

что каждый не закончится мгновенно

он не уйдет а лишь ослабит хватку
жалей нас пропащих и любя
калитка врет и зазывает в завтра
сентябрь врет и пахнет кисло-сладко
и ненавидит самого себя.

(15 сентября 2019)

с тебя не убудет. и это не новость.
на белые стены ложится маляр.
он краску с собой перепутал - хреново
ему, маляру. постмодерн-перегар.

с тебя не убудет - возьми голубое
стеклянное небо и выбрось на снег.
за этот перформанс подумай, какое
тебя наказание ждёт, человек.

с тебя не убыло - тоска не сменилась
ни белым, ни черным. тоска как тоска.
естественно, будет. естественно, было,
мой сломанный друг. но не есть. ну никак.

завязывай, голодный прометей,
прекрасный прометей.
мир сам себе огонь и агнец.
твои потуги словно кружева
на поминальной скатерти, как шлейф
беременной невесты. мой скиталец,

приспущенный с божественной цепи,
мой прометей, терпи,
не падай в человеческие книги.
нам смерть определяет естество.
и мы страдаем за длину пути,
за качество, закованное в миге,

за сладкий синеватый аромат,
что тычется в дома
с рождения и до конца отрезка,
отмеренного кем-то в темноте.
тебе, титан, не занимать ума -
не плачь за тех, кто под луной - проездом.

мир сам себе и жертвенный костёр,
и бронетранспортёр.
и левая щека, и чёрствый каин.
но в этом точно не твоя вина.
будь, прометей. а печень зарастёт.

у нас не зарастает.

(08.10.19)

брат, хорошо что все тебе понятно,
что всё легко:
огни-асфальт, асфальт-огни. и пятна
там, далеко.

что город нежно приглушает голос,
спасая ум
ото всего, что не тоска, не морось,
не автошум.

слова тебя, слова меня дождутся
и я, мой друг,
когда-нибудь смогу не оглянуться
на то, с чем рву.

нас, как сейчас, коснётся ль снег холодный,
страдающий (не первый, первородный) -
спустя-спустя?
вон жизнь отозвалась собачьим лаем
брат, хорошо, что ты не понимаешь
меня, меня...

спускается с общаги с полторашкой
как чистая, продрогшая печаль,
сосед, проткнувший ногу на шабашке.
деталь. деталь...

(20.10.19)

связаться с говорливым в переходе
и бедолагу переговорить
и ночь все утро памятью дробить
на все эти "наверное" и "вроде"

цепляться за перила как за жизнь
но кажется еще еще серьезней
еще безвольнее, еще безбожней

так предавалась галлия виши
(да. я и сам запутался во лжи)

искать асфальт глазами в темноте
в общагу завалиться на щите
ложноклассически в дверях красуясь
строчить не попадая пальцем в тех
кого зачем-то вспоминаю всуе

не в первый раз подумать о зиме
не в первый раз отчаяться в рассудке
и чисто символическую сумму
дать говорливому на опохмел

прощаться. знать что в некотором роде
придется жить
подушка-голова
пока по комнате живые тени ходят
о чем-то с говорливым в переходе
во сне неторопливо толковать

и был ли говорливый в переходе
мне если честно искренне плевать.

(26.10.19)

зеркальный год торопится настать,
а я впервые говорю: не надо,
не торопись, мне было мало ада,
приклеенного к веткам и мостам...

а как еще? под скрипом половиц
общажных так и прячется тревога,
как пряталась. мне было мало Бога.
я мало жил и мало падал ниц.

но много, много маятником бился
без всякой пользы, настроенья без
ты хочешь чтобы он остановился,
сей маятник? да, лучше б ты не лез,

двадцатый год, в его перемещенья.
а вдруг зажмет, и будешь как дурак
ходить пришибленный, не находя спасенья...
я сам не находил спасенья как?

придётся вновь с тобой объединяться
в большое и размытое пятно.
тебе, двадцатый, это все равно,

а мне оглядываться и бояться.

эх, нарратив приклеился к стихам,
но нечего рассказывать особо.
не торопись - сентябрь крышку гроба
уже прикрыл, пока я был не там,

не в теплоте, которая болит,
а где-то вне вопросов и ответов.
не половицы то скрипят - планета
так говорит: двадцатый, потерпи,

здесь нет ни Питера, ни Вторчермета.
сплошной Ижевск. Прошу, не торопись.

это то что даётся тебе с листа
улица в честь писателя-босяка
первая протянутая рука
шага два между школой и домом
но два моста
в общем то что не помнишь ты ни черта

литература язык берега застой
это то что даётся тебе легко
русский литература промеж висков
ощущение что всё это нихера не то

ты наверное жил и что-то забыл
но что?
ладно
важно что все это тебя поняло и ушло
потеряло себя в грязи между двух мостов

так и будешь наказывать память самим собой?
уходя забери язык берега застой
что останется - будет не то чтобы ты но свой
бесконечно свой
для нетронутых синевой-глубиной реки
не оставшихся за рекой.

(01.11.19)

я впусти тебя в свой приют
поглядеть как слова умирают и не гниют
я выпускаю я правда не ведаю что творю

мысли лежат - бесполезные штабеля
мысли жалеют прорвавшуюся тебя
к сожалению мысли мои - не я

я впусти тебя в мой Саров
я уверяю себя что не знаю слов
чтоб объяснить почему нельзя поднимать засов

только не торопись и двигайся вполноги
пробеги глазами скопившиеся долги
и картонную дверь долмай для других таких

я зову тебя перебившись сопливым "ну"
вместо "да" потому что сам себя не пойму
(я выгоняю за скобки свою вину)

я тащу тебя в свой бардак
где от синих засветов кажется полный мрак
чище света и как понимать это
слышишь, как?

я отдам тебе свой приют
как
незнакомцу
правду в поезде отдают
я тебе
незнакомой
бросаю
тоску
свою.

(6 декабря 2019)

вот посмотри - от куцых тополей
фантомы веток бегают по дому.
а если видишь как-то по-другому,
тогда забей.

по телику какая-то ошибка:
из всех щедрот останкинских небес
бомж выбирает вовсе не бутылку.
найди на рыжей бороде ухмылку.
не удивляйся, что и ты в ней есть.

мешались ветки. дворник-человек,
сеней своих печальный охранитель,
пилил, видать, и думал, как стратег,
как древней неизбежности спаситель,
что ты придёшь к нему под первый снег,
спасибо скажешь. вы поговорите
о том, что миг нанизан на шарнир,
и как не проверни, раздастся снова
"чирик-чирик", холодное, как мир,
тяжёлое, как летовское слово.

и чёрт его - раздастся или нет.
сейчас всё тот же дворник смотрит телик.
смотри - как всё меняется, пустея
и свет на стены падает, на стены,
ведь ничего не заслоняет свет.

раз-два, а дальше милый беспредел.
не в бороде и не в бутылке дело,
а в том, что это всё осточертело
не мне - тебе.

не обо всем расскажут в новостях,
но где-нибудь напишут краской синей.
земля и небо - и душа в сенях.
ещё/уже - и быль посередине.

а всё-таки, ноябрь слишком строг.
но всё это - ну, да, я пьян, допустим -
синеет и чернеет, видит Бог,
не ради грусти!

и мёртвые фантомы тополей
не позволяют веткам оторваться
от кирпичей и вовсе затеряться
в немом многообразии вещей.

как водится, совсем меня не зная,
не зная кто поёт и что поёт,
поговори со мною, отрицая
само существование моё.

как водится, как надо бы, как часто
бывает у поэтов, на правах
читателя сведи в живую сказку
родившиеся мёртвыми слова.

и я, никем не слышимый, воскресну
в твоих любимых мною "не" и "ни",
где я по-прежнему пустое место,
но голос мой по-новому звенит.

мне это нужно, мне - почти поэту.
по крайней мере "мне" от слова "я".
поведай мне, что я не зря, что это
вообще не зря.

у стен забравши функцию причала
для мыслей, ужаснувшихся воды,
пойми - у каждой строчки есть начало,
конец и ты.

смелеет день и млеет, словно ночь
его, смеясь, не пригвоздит к асфальту.
а я смотрю, и мне не всё равно.
но всё равно молчу. и мне нормально.

моя душа бессовестно пуста.
о, если б мог я быть чуть-чуть сильнее,
я б никому возможности не дал
жалеть меня, как я себя жалею.

вытаскивай из прошлого огни.
они одни тебя вести готовы
до родины, до ласковой земли,
до страха, до безумства, до основы.

я знаю, что сияние - мертво.
но я иду за чёртовым сияньем.
закат, заря?... одно твое признание
изменит всё, придушит естество.

я точно так же ничего не знаю,
как ты не знаешь. это - ничего.

(19 января 2020)

неясный голос, мятый голос.
голодный ключ, кровать.
а между этим - ложь, как сторож,
как клей, как кладь
запечная. себя не выдай,
в себя всмотришь.
за вымороченностью быта
увидишь жизнь.

смотри - она тебя боится,
дрожит в вещах.
сквозь боль и мёрзлые ресницы
ты замечаешь,
что боль и мёрзлые ресницы дают масштаб,
в котором снова всё случилось не просто так.

окна совсем не замечая,
заставь шуметь электрочайник.
ругая явь,
ты вспомни снова, как прощаешь
себе - себя.

(2 февраля 2020)

мимо апофеоза частиц и падали
взгляд собирает пространство в один рассвет.
если б заря и пахла, то пахла б ладаном -
горько, но цельно, мой дорогой Поэт.

нас разделяет окно. инструмент, не больше.
средство доставки взгляда за горизонт.
если ты равен заре, почему полощет
эта полоска душу твою и рвёт?

ты, который, как я же, с рожденья грезил
только о том, что и капля - уже река,
всматривайся! - и увидишь себя в разрезе,
в профиль, в анфас, поделённым на ДНК,

но - не себя. а какую-то недосамоть.
кто здесь - Атлант, и что - Становой хребет?

только заря - ну а что ей еще осталось? -
будет и завтра равна лишь самой себе.

(4 февраля 2020)

окно приоткрыто.
не то чтобы совесть душна́ -
традиция хочет, чтоб всё начиналось с окна.

луна беспримерна.
найди-ка луне близнеца...
я думаю, только луна не теряет лица.

фонарные струи лениво ползут по плечу.
сомнения тоже прекрасны, когда их - чуть-чуть.

да всё - беспримерно. и всё прекратится не враз:
безверие, молодость, гордость, дрожание глаз,
ожившие ели и в саване рваном земля.

как минимум - ночь. а вообще-то - конец февраля.

(22 февраля 2020)

о, я не знаю, жрёт ли вторчермет
своих детей,
но знаю: будущего нет, а есть постель,
которой алчешь на ветру,
что есть нева
географически, но есть ли петербург -
мне наплевать.

и вот казбек молчит на вторчермет
и на ижевск.
я точно знаю - будущего нет
но время - есть.

а есть ли бессарабские поля,
любовь, цыганы, русская земля,
воронеж-вор,
воронеж-сторож, клетка, полынья?
нет ничего.

но есть рассвет и надпись сход-развал.
и стикс похож на каму, на неву.
шумит момент, который не настал,
как город тот, который не назвал,
но - назову.

(27 февраля 2020)

не обращай внимания на голос
и на меня - такого - не смотри.
простит ли март свободу ветке голой?
сама себе ответь и повтори.

прощается, как правило, живое,
себя осознающее вполне.
я понял мир, а он меня не понял,
а значит, дело всё-таки во мне.

и то плывут по Каме пароходы,
потраченное время бороздя,
то боль моя, пошатываясь, бродит
по берегу, не чувствуя меня.

волнует ли, что время - монотонно
и образы, как исповедь, низки?
ведь каждая минута многотонно/
неумолимо давит на мозги...

а одиночество всегда - нескромно.
не обращай внимания. живи.

(5 марта 2020)

Моисеев мор опускается на Египет.
дядя Ваня опохмеляется, чтобы выпить.
продавщица толкает папирус адептам Ра.

сигарета тлеет, не веруя в грязный воздух.
воздух бежит от сигареты, пока не поздно,
но всё время - "поздно", всё время - "давно пора".

здесь до Слова, которое было, не зналось горя.
не стесняясь регламента, солнца, песка и моря,
фараон разрешает бесчинства своей башке.

безусловно, здесь что ни запрет, то - коронавирус.
на раз-два отменяется правило "плюс на минус".
моисеев мор затаился в большой реке.

невозможно устать, умерев, повторяться снова.
и любовь, как явление или как мать живого,
вспоминает, какой эпохи она дитя,
отражаясь на всех заборах, на всех полотнах.
и в пустом промежутке между живым и мёртвым
дядя Ваня ругает жену и обвал рубля.

ни один из детей светила не ошибётся/

не обманется тем, что в Египте безмолвно солнце.
пустота - это звон. это ровный и вечный звон.
дядя Ваня пьет, чтоб назавтра опохмелиться.
и Египет мрёт вопреки словесам провидца.

и назавтра опять не останется ничего.

(17 марта 2020)